

МАСТЕР ПЕТР: НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К БИОГРАФИЧЕСКИМ МИФАМ ДАНИИЛА ХАРМСА*

Так получилось, что графику, декоратору и театральному художнику Петру Павловичу Снопкову (1900–1942), выпускнику Высшего художественно-технического института, выпало на некоторое время стать одним из углов в треугольнике, где двумя другими были Даниил Хармс и художница, ученица П. Н. Филонова А. И. Порет, причем именно ему удалось жениться на Порет, хотя брак и не был долговечным. Поэтому имя Снопкова прочно укоренилось в воспоминаниях Алисы Порет о Хармсе, которые впервые были опубликованы еще в 1980 году.¹

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00479.

¹ *Порет А.* Воспоминания о Д. И. Хармсе / Предисловие В. Глоцера // *Панорама искусств.* 1980. Сб. 3. С. 347–359. В настоящей статье эти воспоминания цитируются по публикации: *Порет А. И.* Воспоминания о Данииле Хармсе // *Даниил Хармс глазами современников: Воспоминания. Дневники. Письма* / Под ред. А. Л. Дмитренко и В. Н. Сажина. СПб., 2019. С. 353–371, — в которой восстановлены купюры, сделанные в издании 1980 года.

Эти воспоминания были крайне негативно встречены людьми, которые знали Хармса и его друзей лично и были тогда еще живы. «Путаница», «искажение событий», «ложь», «восхваление себя» — такие характеристики давались ими мемуарам Алисы Порет.² Между тем не учитывался явно игровой, художественный стиль этой книги, где реальные факты легко переходили в вымысел, слух или сплетня подавались как истина, а некоторые повествуемые события являлись очевидным порождением ее фантазии. При этом мемуары были наполнены яркими, интересными деталями, точными характеристиками, легко узнаваемыми мелочами, которые внушали читателю ощущение безусловной правдивости автора.

Когда в 1991 году впервые были опубликованы дневниковые записи Даниила Хармса,³ оказалось возможным сопоставить одни и те же события с двух сторон. Речь идет о центральной сюжетной линии мемуаров: влюбленности Хармса в Порет в 1932 году после его возвращения из ссылки.

Из дневников Хармса становится ясно, что в ноябре 1932 года он переживает очередную всплеск любви к своей бывшей жене Эстер Русаковой. Эта любовь, однако, наталкивается на ее полное равнодушие, а прекрасный образ разрушается в душе Хармса под воздействием реальных встреч. «У Эстер очень истасканный и развязный вид»; «Боже! <...> Какая у нее блядская рожка!» — записывает он свои впечатления при посещении семейства Русаковых 28 ноября 1932 года.⁴

На следующий день Хармс приглашает Порет к себе, и с этого момента они общаются очень интенсивно: встречаются практически ежедневно, ходят в кино, ездят за город, вместе проводят время вплоть до марта 1933 года. И практически одновременно Хармс начинает все чаще упоминать в дневниках и записных книжках имя Петра Павловича Снопкова (он пишет его фамилию искаженно: «Снабков»).

Сначала Снопков просто фигурирует там как знакомый Порет. Он входит в их небольшую компанию, сопровождает их на концерты и в кино. Записи в дневнике фиксируют его появления достаточно спокойно. Напротив, художнику Павлу Михайловичу Кондратьеву, который уже шесть лет был безответно влюблен в Алису Ивановну, Хармс посвящает целый абзац, где описывает его мучения (2, 214).

По мере приближения к 1933 году Хармс все больше и больше влюбляется в Порет. Однако Новый год он встречает с ее подругой — художницей Татьяной Николаевной Глебовой. А затем к ним приезжают Порет со Снопковым — и уже не просто как друзья: «Они целовались, и мне было это мучительно видеть», — записывает Хармс (2, 216).

С этого момента Снопков воспринимается им как соперник, хотя подробно в дневнике об этом не говорится. Несмотря на все это, 1 февраля Хармс признается Порет в любви, и их роман продолжает развиваться. С каждым днем они сближаются все больше, и Хармс с физиологическими подробностями фиксирует в дневнике особенности этого сближения. 13 февраля Хармс вписывает в записную книжку просьбу к Всевышнему о том, чтобы Алиса стала его женой.⁵ Но он чувствует, что ничего не выходит: «Я вижу, как Алиса Ивановна ускользает от меня» (2, 176).

² См.: Глебова Т. Н. Воспоминания. Дневники. Письма. / Вступ. статья, подг. текстов, комм. Е. С. Спицовой // Experiment = Эксперимент. A Journal of Russian Culture. 2010. Vol. 16. Part 2. P. 421; Виктор Б. Александр Введенский и мир, или «Плечо надо связывать с четырьмя». Харьков, 2009. С. 194 (письмо Т. А. Липавской автору книги); Заметка Н. Б. Шанько о воспоминаниях А. И. Порет // Даниил Хармс глазами современников: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 371.

³ Дневниковые записи Даниила Хармса / Публ. А. Устинова и А. Кобринского // Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб., 1994. [Т.] 11. С. 417–583; Хармс Д. Горло бредит бритвою: случаи, рассказы, дневниковые записи / Сост. и комм. А. Кобринского и А. Устинова; предисловие А. Кобринского. М., 1991 (Глагол. Литературно-художественный журнал. Вып. 4).

⁴ Хармс Д. Полн. собр. соч. Записные книжки. Дневник: В 2 кн. / Сост. В. Сажина и Ж.-Ф. Жаккара; прим. В. Сажина. СПб., 2002. Кн. 2. С. 212. Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно, с указанием номера книги и страницы.

⁵ Для более яркой иллюстрации происходившего имеет смысл привести цитату из дневника И. П. Ювачева, отца Хармса, от 21 февраля 1933 года: «У Даниила Алиса (Порет). Поводилась она ходить к нему по ночам» (Даниил Хармс глазами современников. Воспоминания, дневники, письма. С. 426).

Объяснение происходит в конце февраля — начале марта. Хармс узнает, что «она любит Петра Павловича и живет с ним» (2, 218). Но и это не сразу останавливает их отношения: очевидно, что Порет тоже испытывала к Хармсу определенные чувства и не могла решиться сделать окончательный выбор.

История, рассказанная самой Порет, — совершенно иная.

Судя по ее воспоминаниям, впервые Хармс проникся к ней чувствами еще до своего ареста в декабре 1931 года.⁶ Затем, по ее словам, находясь в ссылке в Курске, он постоянно писал ей стихи и вспоминал их встречи⁷ (между тем, исходя из перечня в записной книжке Хармса этого периода, Алисе Порет было отправлено лишь одно письмо, которое, видимо, не сохранилось, как не дошли до нас и написанные ей там стихи, если они вообще писались).

А потом следует рассказ о том, как Снопков, воспользовавшись отсутствием Хармса, ее «как-то окрутил»: «Я совершенно не помню даты и когда что было по порядку, — вспоминала Порет, — но я знаю, что стала скрывать от Д. И. мои прогулки с П. (Снопковым. — А. К.), его приходы и то, что он уговаривал меня, наконец, спасти его, взять к себе, чтобы он опять стал художником <...>».

Он был со мной вечно одинаково мил и галантен, и как-то не сразу был обнародован наш брак „à la fourchette“. Где-то у меня было тайное чувство, что на этот раз я обыграла Д. И. Но он был очень проницателен и нервен, и поведение его сильно изменилось. Он в течение многих лет никогда не говорил мне комплиментов, держал себя очень чопорно и руку целовал наспех и тут же бросал таким жестом, как стряхивают градусник. Не знаю, как колдовал Д. И., но он всегда приходил, когда не было Снопкова».⁸

Порет акцентирует в своих воспоминаниях внимание на якобы магических способностях Хармса, благодаря которым он получил странную власть над ее отношениями со Снопковым. Мемуары пронизаны рассказами о том, как Хармс — некий злой гений — неожиданно появлялся в разные моменты их жизни и накладывал своего рода заклятья, которые должны были заставить их вскоре расстаться (что и произошло через два года после свадьбы, состоявшейся в начале 1933 года).⁹ Судя по ее свидетельствам, Хармс присутствовал и «пророчествовал» на свадьбе — и продолжал пытаться вернуть ее даже после замужества. Более того, Алиса Ивановна говорит о том, как он якобы магическим путем воспрепятствовал попытке Снопкова воссоздать их семью через три года после развода.¹⁰ Простой подсчет показывает, что это должен был быть 1938 год.

Все это, конечно, плод фантазии.

10 сентября 1933 года Хармс заносит в записную книжку: «Как часто мы заблуждаемся! Я был влюблен в Алису Ивановну, пока не получил от нее всего, что требует у женщины мужчина. Тогда я разлюбил Алису. Не потому, что пресытился, удовлетворил свою страсть, и что-либо тому подобное. Нет, просто потому, что узнав Алису как женщину, я узнал, что она женщина неинтересная, по крайней мере, на мой вкус. А потом я увидел в ней и другие недостатки. И скоро я совсем разлюбил ее, как раз тогда, когда она полюбила меня. Я буквально удрал, объяснив ей, что ухожу, ибо она любит Петра Павловича. Недавно я узнал, что Алиса вышла замуж за Петра Павловича. О как я был рад!»¹¹ (2, 218).

Судя по всему, Хармсу удалось получить «то, что требует у женщины мужчина», когда Порет уже жила со Снопковым. Но из этой записи следует самое важное: общение между Хармсом и Порет прервалось незадолго до ее свадьбы, и Хармс не только не

⁶ Порет А. И. Воспоминания о Данииле Хармсе. С. 357.

⁷ Там же.

⁸ Порет А. И. Записки. Рисунки. Воспоминания: В 2 кн. М., 2016. Кн. 2. С. 192.

⁹ Порет А. И. Воспоминания о Данииле Хармсе. С. 368.

¹⁰ Там же.

¹¹ Любопытно, что отголоски начинавшегося «соперничества» со Снопковым, видимо, отразились в стихотворении Хармса «Колесо радости жена» (1933): «Отойди от меня мастер Петр». См. об этом: *Шатова И.* «Колесо радости жена»: анаграмматическая трактовка // *Russian Literature*. 2011. Vol. 69. № 2–4. P. 440.

присутствовал на ней, но и узнал об этом событии уже постфактум. Каким был характер их отношений в последующие годы, лучше всего демонстрирует сохранившееся письмо Хармса к Порет, в котором он просит вернуть книгу Г. Майринка «Голем» на немецком языке, которую однажды дал ее брату Виктору. Вначале он всячески извиняется за сам факт обращения к ней и сообщает, что «проделал все, чтобы избежать этого», а затем предлагает послать книгу по почте (разумеется, о встрече речь даже не идет).¹² Письмо не датировано, но Хармс указывает свой адрес: ул. Маяковского, д. 11, кв. 8. Это означает, что письмо отправлено не ранее 1936 года, так как Надеждинская улица приобрела свое сегодняшнее название 16 января 1936 года. Следовательно, оно было написано уже после следующего замужества А. И. Порет: в 1935 году она вышла замуж за композитора Б. С. Майзеля. К этому моменту отношения между ней и Хармсом были уже окончательно прекращены, вот почему письмо примерно наполовину состоит из извинений за сам факт обращения.

В доме Порет Снопкова прозвали «Мастер Петр»: все, за что бы он ни брался, он делал в совершенстве.¹³ Однако брак их продолжался всего два года, после чего распался.

О дальнейшей судьбе Снопкова практически ничего не было известно. Однако как специалисты по творчеству Даниила Хармса, так и просто интересующиеся его биографией всегда особо обращали внимание на тот фрагмент воспоминаний Порет, где она рассказывает о последних годах своего бывшего супруга: «Даниил Иванович и Петя еще раз встретились во время блокады Ленинграда в тюрьме. И оба они умерли от голода. Даниил Иванович там же, а П. П. был выслан на лесозаготовки, один раз не выполнил норму, ему сократили паек, на следующий день тоже, и так до конца».¹⁴

Эта легенда оказалась живучей.

Между тем хранящееся в архиве Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области дело Петра Павловича Снопкова помогает восстановить не только факты его биографии, но и прояснить обстоятельства его ареста и смерти, свернув легенду с реальной жизнью. Следует заметить, что значительная часть листов дела остается засекреченной (включая и текст приговора!), однако и доступных материалов вполне хватает для установления истины.

Дело Петра Павловича Снопкова содержит довольно незначительное количество биографических деталей, которые можно дополнить не менее скудной информацией, известной о нем ранее. Он родился в 1900 году в Санкт-Петербурге. У его родителей — Павла и Марии Снопковых — было двое детей: Петр и его младшая сестра Вера (в замужестве Карманова). Отец умер в возрасте 62 лет в 1927 году.

Снопков учился (вместе с Алисой Порет) во ВХУТЕИНе, который закончил в 1922 году. Работал театральным художником, художником по костюмам в различных театрах, был декоратором и художником по афишам. Участвовал в оформлении детских книг (в частности, в 1925 году вместе с Б. Б. Малаховским¹⁵ он иллюстрировал детскую книжку Н. Н. Асеева «Песни пищика»). В 1934 году работал художником на съемках фильма А. М. Файнциммера¹⁶ «Подпоручик Киже» по сценарию Ю. Н. Тынянова. Сов-

¹² Хармс Д. И. Неизданный Хармс. Полн. собр. соч. Трактаты и статьи. Письма. Дополнения: не вошедшее в т. 1–3 / Сост., прим. В. Сажина. СПб., 2001. С. 73.

¹³ «Первое, что сделал Мастер Петр — он вышиб из седла Хармса. Он починил в маминой комнате электропроводку, отполировал шкаф красного дерева, сам настроил рояль (у него был абсолютный слух), переплел десятки книг с невероятным изяществом, готовил лучше Паши. Знал 13 способов приготовления яичниц. Достал 3 увесистых тома „Жизнь растений“. Добился полного доверия и любви маминой собачки „Шекки“, а Хокусавна уже ни с кем не хотела ходить гулять, т. к. никто не мог так ловко и далеко бросать ей палку или мяч» (Порет А. И. Записки. Рисунки. Воспоминания. Кн. 2. С. 198).

¹⁴ Порет А. И. Воспоминания о Данииле Хармсе. С. 370.

¹⁵ Малаховский Бронислав Брониславович (1902–1937) — художник, архитектор, окончил ВХУТЕМАС-ВХУТЕИН. Работал как карикатурист, сотрудничал с детскими журналами, в том числе — «Ежом» и «Чижом». 27 августа 1937 года расстрелян как «польский шпион».

¹⁶ Файнциммер Александр Михайлович (1906–1982) — кинорежиссер, лауреат двух Сталинских премий третьей степени.

местно с учеником П. Н. Филонова В. А. Сулимо-Самуйлло¹⁷ занимался оформлением массовых праздников, так, в частности, ими были выполнены эскизы павильонов, карнавальных колесниц и костюмов участников Первого ленинградского карнавала в 1937 году. Был членом Ленинградского Союза советских художников.

В 1939 году Снопков стал одним из основателей Ленинградского театра эстрады и миниатюр (тогда же туда пришел работать в качестве конферансье А. И. Райкин, чье имя театр, переехавший в Москву и ныне называющийся «Сатирикон», носит с 1992 года).

К началу войны Снопков проживал с матерью и женой Марией Владимировной по адресу: пл. Искусств, д. 5/4, кв. 50. Снопков работал художником в театре им. Ленинского комсомола, а жена — в поликлинике им. Софьи Перовской.

Далее мы уже обращаемся собственно к делу № 903 по обвинению Снопкова Петра Павловича, хранящемуся в архиве УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Начинается оно с постановления на арест и обыск, датированного 21 февраля 1942 года и подписанного младшим лейтенантом госбезопасности Балашовым. Рассмотрев не уточненные «материалы о его преступной деятельности», Балашов нашел, что: «СНОПКОВ П. П. ведет антисоветскую агитацию и распространяет клевету о советской власти, положении интеллигенции в СССР и советском государственном устройстве. Восхваляя вооруженные силы фашистской Германии и распространяя антисоветскую клевету о Красной Армии, СНОПКОВ П. П. ведет пораженческую пропаганду и высказывается за необходимость изменения политического строя в нашей стране».

На основании изложенного младший лейтенант госбезопасности постановил подвергнуть Снопкова аресту и обыску. Визу на документе поставил заместитель начальника секретно-политического отдела УНКВД Ленинградской области старший лейтенант госбезопасности В. И. Миничев, а утверждено постановление было заместителем начальника управления НКВД Ленинградской области старшим майором госбезопасности С. И. Огольцовым. На следующий день арест санкционировал военный прокурор Ленинграда А. И. Панфиленко.¹⁸

В тот же день Балашов издал постановление об избрании Снопкову меры пресечения в виде содержания под стражей.

Снопков был арестован 23 февраля 1942 года. В протоколе обыска в его квартире перечисляются изъяты у художника документы. Первое — удостоверение из театра им. Ленинского комсомола. Из других материалов следует, что Снопков, что называется, сидел на чемоданах в ожидании эвакуации, так как 19 февраля ему уже было выдано театром командировочное удостоверение вместе с бумагой о закреплении за ним остающейся в Ленинграде жилой площади. Более того — в день ареста Снопков даже получил обходной лист для последующего увольнения. Кроме этих документов, у него были изъяты трудовое соглашение от 8 августа 1941 года, договор от 6 декабря 1941 года, письмо от 9 декабря 1941 года, блокнот с разными записями, 11 фотокарточек, а также — финский и испанский ножи и радиоприемник ЭЧС. Последние предметы оказались дополнительными штрихами для карательной системы и «обогатили» приговор: хранение холодного оружия было запрещено, а радиоприемники с начала войны граждане были обязаны сдать — такое постановление Совнарком СССР издал еще 25 июня 1941 года.

К протоколу обыска была приложена справка, гласившая, что паспорт и военный билет Снопкова находятся у начальника штаба по эвакуации театра им. Ленинского комсомола. Другая справка подтверждала, что перед арестом он даже сдал по месту службы свои хлебные карточки «на предмет эвакуации». Это означало, что отъезд

¹⁷ Сулимо-Самуйлло Всеволод Ангелович (1903–1965) — художник, график, живописец, скульптор. Ученик П. А. Мансурова и П. Н. Филонова, участник объединения «Мастера аналитического искусства». Занимался оформительской деятельностью (в том числе — на массовых праздниках), работал как театральным художником.

¹⁸ Панфиленко Антон Иванович (1898–?) — бригадир, прокурор Ленинграда в 1941–1943 годах.

художника за пределы Ленинграда, где его бы, конечно, никто искать не стал, должен был состояться буквально через три дня (судя по дальнейшей информации в деле, 26 февраля). Этих трех дней ему и не хватило для спасения.

О причинах ареста Снопкова ходили разные слухи, включая донос, якобы написанный соседями, о нарушении им светомаскировки. Однако все было гораздо банальнее. В тот же день, когда художник был арестован, начальник 11 отделения СПО НКВД Ленинградской области лейтенант госбезопасности Челноков допросил в качестве свидетеля по его делу Евгения Михайловича Рокотова, фотографа. Допрос был начат в 23.45.

«Вопрос: Вы Снопкова знаете?

Ответ: Снопкова Петра Павловича, работающего художником-декоратором в различных театрах г.г. Москвы и Ленинграда, я знаю около 20 лет, а более близко — около 4-х лет. Последнее время между нами были приятельские отношения, и мы с ним встречались не только в театре, но и в быту, посещая квартиры друг друга. Каких-либо неприязненных отношений, а также личных счетов и вражды между нами не было.

Вопрос: Что Вам известно о Снопкове?

Ответ: Снопков — талантливый художник с большими знакомствами и связями, но одновременно он является человеком без твердых политических убеждений, неустойчивым в своих взглядах, резко меняющим свое отношение к происходящим событиям в зависимости от личных переживаний и настроений. Последнее время Снопков начал проявлять пессимистические настроения и неоднократно допускал <в> беседах со мною различные антисоветские, пораженческие высказывания и распространял различные клеветнические измышления о советской действительности. Наиболее характерной в этом отношении является беседа между мной и Снопковым, которая имела место 2-го января с/г.

2 января с/г Снопков был у меня на квартире, и мы с ним в течение длительного времени беседовали на различные темы. В процессе этой беседы обмениваясь мнениями о ходе военных действий, Снопков мне заявил:

„Ни мы вперед, ни немцы вперед, да, как будто мы начинаем двигаться, что меня радует очень мало. Остается пустить себе пулю в лоб“.

Тут же Снопков мне рассказал о своем приятеле-журналисте, который якобы был в Германии и видел, как там якобы все, везде, даже в концентрационных лагерях, хорошо организовано. Который якобы рассказал, как их высылали из Германии после объявления войны, как быстро их доставили в Болгарию. „Все это заняло одну неделю“, а что у нас они от Одессы до Москвы добирались целый месяц.

Тут же Снопков мне со слов летчика-англичанина, с которым он якобы разговаривал, рассказывал о том, как хорошо организовано питание в Англии и противопоставлял все это советской действительности. Снопков клеветнически мне заявил:

„О мирном населении у нас не заботятся, и миллион мирного населения в расчет не принимается. Для Ленинграда было бы лучше, если бы Ленинград был занят немцами“.

Вопрос: Кто присутствовал при этой антисоветской беседе, которую вел Снопков?

Ответ: Помимо меня при этой беседе присутствовал ТУМАНОВ Юрий Евгеньевич,¹⁹ работающий в Ленкультторге.

Вопрос: Какие еще факты ведения Снопковым антисоветской пропаганды вам известны?

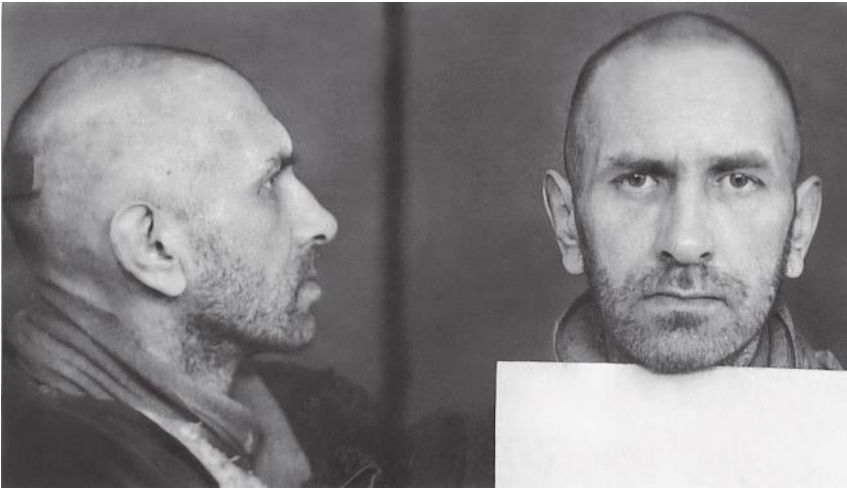
Ответ: В процессе той же беседы Снопков мне советовал мою пьесу „Пятую колонну“ для постановки не давать, так как если придут немцы, они за нее повесят.

Помимо этого имел место еще ряд отдельных мелких фактов антисоветских со стороны Снопкова высказываний, припомнить которые я сейчас затрудняюсь».

Допрос был окончен в два часа ночи.

Закрепив официально протоколом допроса информацию, которая, конечно, была известна ему и ранее, Челноков начал 25 февраля первый допрос Снопкова. Он, как это было зачастую принято в НКВД, проходил также ночью.

¹⁹ Неустановленное лицо.

Фотография из следственного дела Петра Павловича Снопкова

«Вопрос: Кто из ваших родственников был репрессирован?

Ответ: В годы НЭПа в Ленинграде проживал мой дядя Снопков Андрей Иванович, занимавшийся коммерческой деятельностью и имевший какую-то свою комиссионную контору. В последующие годы, но когда точно, не помню, он был арестован и выслан на Север. Где он находится в настоящее время и даже жив ли вообще, мне совершенно неизвестно.

Вопрос: Перечислите ваших близких знакомых.

Ответ: Моими близкими знакомыми, с которыми я поддерживаю наиболее хорошие, дружественные отношения, являются: художник Акимов Николай Павлович,²⁰ в настоящее время из Ленинграда эвакуировался и, где находится, я не знаю. Режиссер Гарин Эраст Павлович²¹ — уехал из Ленинграда еще до объявления войны между Советским Союзом и фашистской Германией. Режиссер Чежегов Михаил Викторович²² — эвакуируется из Ленинграда 26 февраля вместе с театром. Художник Сулимо <так!> Всеволод Ангелович — из Ленинграда эвакуировался, и журналист Нейман Михаил Германович²³ — в настоящее время служит в РККА.

Вопрос: Кто из ваших знакомых репрессировался?

Ответ: Из моих близких друзей и знакомых репрессиям никто не подвергался.

Вопрос: Вы арестованы за контрреволюционную деятельность. Расскажите, в чем ваша преступная деятельность заключалась?

Ответ: Я никакой преступной деятельностью не занимался и каких-либо контрреволюционных настроений никогда не имел».

Эти четыре коротких вопроса и ответа на них, если судить по протоколу, заняли 2,5 часа — с 2.00 до 4.30 ночи.

Второй допрос проходил 27 февраля, уже в обычное время — с 16.45 до 18.55. После традиционного запугивания арестованного информацией о том, что «у следствия достаточно фактов, изобличающих его в проведении к/р пораженческой пропаганды»,

²⁰ Акимов Николай Павлович (1901–1968) — народный артист СССР, театральный режиссер, педагог, художник.

²¹ Гарин Эраст Павлович (наст. фам. — Герасимов; 1902–1980) — народный артист СССР, актер, режиссер театра и кино.

²² Чежегов Михаил Викторович (1898–1965) — театральный режиссер, драматург. В 1941–1949 годах — главный режиссер театра им. Ленинского комсомола.

²³ Нейман Михаил Германович (1906–?) — журналист, офицер запаса, в 1941 году был призван в армию. В звании капитана воевал на Ленинградском фронте.

и ответа Снопкова, в котором он снова категорически это обвинение отверг, следовательно решил приоткрыть карты. Кстати, этот допрос проводил уже не Челноков, а практикант СПО УНКВД ЛО по фамилии Репин. Судя по всему, сотрудники секретно-политического отдела даже в самую страшную блокадную зиму не успевали работать с арестованными за «агитацию» ленинградцами — приходилось задействовать практикантов.

«Вопрос: Вы знаете Рокотова Евгения Михайловича?

Ответ: Да, знаю. Это мой знакомый. Знаю его с 1941 года по совместной работе в Театре эстрады и миниатюр в Ленинграде как хорошего фотографа.

Вопрос: Какие у вас с Рокотовым взаимоотношения? Были ли когда-либо ссоры и т. п.?

Ответ: Взаимоотношения с Рокотовым у меня самые нормальные, более того, — дружеские. Никаких ссор и неприязненных отношений между нами не было и нет.

Вопрос: Вам предъявляются показания свидетеля Рокотова Евгения Михайловича, который на допросе показал, что вы в беседе с ним высказывали клеветнические измышления о советской действительности, проводили антисоветскую пораженческую пропаганду. Вы подтверждаете эти показания Рокотова?

Ответ: Показания Рокотова я отвергаю, так как они не соответствуют действительности. Я клеветническими антисоветскими измышлениями не занимался. В начале января м-ца 1942 <года> действительно имел факт посещения квартиры Рокотова, куда я был приглашен на чашку чая, но антисоветских клеветнических измышлений я там не вел. Был разговор о трудном положении с питанием, где я сказал, что чем помирать голодной смертью, лучше отравлюсь морфием».

Строго говоря, высказанное намерение покончить самоубийством — уже само по себе тянуло на «пораженческие высказывания», ибо советский человек даже в шаге от голодной смерти должен был отдавать все силы на борьбу с врагом. Самоубийство в этой парадигме фактически означало дезертирство. Однако следствию этого было, конечно, мало. 28 февраля Челноков вместе с практикантом Репиным проводят очную ставку. После того, как Рокотов и Снопков заявили об опознании друг друга и подтвердили отсутствие вражды и личных счетов, очная ставка началась.

«Вопрос обвиняемому Снопкову: Расскажите, какой характер имели ваши встречи с Рокотовым?

Ответ Снопкова: С Рокотовым я встречался в театре, в служебной обстановке и, помимо того, периодически бывал у него на квартире. Мои посещения квартиры Рокотова имели полуделовой характер, так как меня интересовали имеющиеся у Рокотова книги и в других случаях — фотографии с ранее сделанных мною постановок. Длительность наших встреч была обычно порядка 30–40 минут, и происходили они, как правило, или в отсутствие третьих лиц, или в присутствии жены Рокотова, которая периодически заходила в комнату, где находились мы. Последний раз я был на квартире у Рокотова в первых числах января м-ца 1942 года, одновременно со мною в это время был какой-то на квартире у Рокотова неизвестный мне гражданин. В этот раз встреча с Рокотовым носила бытовой характер и находился я у Рокотова около полтора часов.

Вопрос свидетелю Рокотову: Показания Снопкова о характере ваших встреч и взаимоотношений соответствуют действительности?

Ответ Рокотова: Да, показания Снопкова по этому вопросу соответствуют действительности.

Вопрос Снопкову: Расскажите, какой характер и какое содержание имела беседа между вами и Рокотовым во время вашего посещения квартиры Рокотова в первых числах января.

Ответ Снопкова: Наша беседа во время этого посещения мною квартиры Рокотова имела бытовой характер. В частности, я помню, что я в процессе этой беседы высказывал недовольство своим личным положением в связи с недостаточностью питания и заявлял, что я предпочитаю голодной смерти самоубийство. В частности, я говорил, что у меня из продуктов питания остались два сухаря и полстакана гороха,

съев которые, я могу покончить с собой, либо приняв морфий, либо отравившись угарным газом.

Вопрос Снопкову: Какие антисоветские высказывания имели место в процессе этой беседы с вашей стороны?

Ответ Снопкова: Никаких антисоветских высказываний с моей стороны в процессе этой беседы не было.

Вопрос свидетелю Рокотову: В процессе этой беседы со стороны Снопкова антисоветские высказывания были?

Ответ Рокотова: Во время посещения моей квартиры Снопковым в начале января 1942 года Снопков беседовал, главным образом, с присутствовавшим тогда же у меня Тумановым Юрием Евгеньевичем. Я же очень часто по хозяйственным делам отлучался из комнаты и полностью участия в этой беседе между Снопковым и Тумановым не принимал. Должен сказать, что Снопков в процессе этой беседы находился в каком-то озлобленном состоянии и в резкой форме высказывал свое недовольство существующим положением и советской действительностью. В частности, из тех отрывков бесед, на которых я присутствовал, я помню, что Снопков высказывал недовольство тем, что Красная Армия перешла в наступление, и заявлял:

„Кажется, мы начинаем одерживать верх. Меня это радует мало. Для Ленинграда это хуже“.

„О мирном населении у нас не заботятся, и миллион мирного населения в расчет не принимается“.

„Для Ленинграда было бы лучше, если бы Ленинград был занят немцами“.

И, противопоставляя советской действительности положение в Германии и Англии, Снопков рассказал случай о советском журналисте, оказавшемся в Германии в момент объявления войны, и об известном якобы ему положении с питанием в Лондоне, восхваляя в процессе этих рассказов английскую и германскую организованность.

Вопрос обвиняемому Снопкову: Факты ваших антисоветских высказываний вы признаете?

Ответ Снопкова: Нет. Показания Рокотова я отрицаю. В действительности рассказывал и о журналисте, оказавшемся в Германии в момент объявления войны, и о снабжении питанием в Лондоне. Но мои высказывания совершенно не имели антисоветского характера и, рассказывая эти факты, известные мне со слов других, я совершенно не противопоставлял английскую и германскую организованность советской действительности.

Вопрос обвиняемому Снопкову: Вы говорили: „О мирном населении у нас не заботятся и миллионы мирного населения в расчет не принимаются“?

Ответ Снопкова: Нет. Этого я не говорил.

Вопрос Рокотову: Снопков это говорил?

Ответ Рокотова: Да, Снопков это говорил.

Вопрос Снопкову: Вы продолжаете отрицать то, что вами было высказано это клеветническое измышление?

Ответ Снопкова: Я говорил в процессе этой беседы, что у нас миллионы мирного населения находятся в тяжелом положении, но я не говорил, что о мирном населении у нас не заботятся, и, говоря, что миллионы мирного населения находятся в тяжелом положении, я не подраумевал весь Советский Союз, а говорил только о положении населения в Ленинграде.

Вопрос: Заявляя, что у нас миллионы мирного населения находятся в тяжелом положении, и тут же рассказывая якобы известные вам факты организации снабжения продуктами населения Лондона, вы этим самым противопоставляли советской действительности английскую организованность и этим самым вели антисоветскую пропаганду. Вы это знаете?

Ответ Снопкова: Хотя эти высказывания с моей стороны и имели место, я не считаю, что я в процессе этой беседы вел антисоветскую пропаганду, направленную против органов Советской власти.

Вопрос Снопкову: Вы утверждали: „Для Ленинграда было бы лучше, если бы Ленинград был занят немцами“?

Ответ Снопкова: Нет. Этого я не говорил.

Вопрос свидетелю Рокотову: Снопков это заявлял?

Ответ свидетеля Рокотова: Да. Снопков это заявлял.

Вопрос Снопкову: Вы признаете, что, отрицая этот факт вашего антисоветского высказывания, а также отрицая и антисоветский характер ваших высказываний на квартире Рокотова в начале января 1942 года, вы даете ложные показания?

Ответ Снопкова: Я заявляю, что характер моих высказываний в процессе этой беседы в показаниях Рокотова искажен и что мои высказывания какого-либо антисоветского характера не имели.

Вопрос свидетелю Рокотову: Свои показания об антисоветском характере высказываний Снопкова Вы подтверждаете?

Ответ Рокотова: Да. Я свои показания подтверждаю».

Очная ставка проходила с 10.45 до 13.10.

Судя по всему, очная ставка (видимо, вкупе с угрозами и обещаниями смягчить наказание в случае признания) сломила сопротивление Снопкова. На допросе 2 марта он дает (явно под диктовку следователя) подробные признательные показания, называя при этом еще нескольких людей, в разговорах с которыми он якобы вел антисоветскую пропаганду:

«Вопрос: Несмотря на неоднократные предложения следствия рассказать о своей антисоветской деятельности, вы правдивого ответа не дали. Предлагаем сейчас сделать это.

Ответ: Я должен сознаться, что с моей стороны имел место целый ряд антисоветских и клеветнических заявлений по адресу советских властей. Эти заявления были сделаны в беседах с некоторыми из моих знакомых, в частности в беседах с ЗАЙКИНЫМ ВЛАДИМИРОМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ,²⁴ РОКОТОВЫМ Евгением Михайловичем, художником УШИНЫМ Николаем Алексеевичем²⁵ и случайным моим знакомым корреспондентом ЛЕОНИДОВЫМ.²⁶ Совершенно естественно, что в разговорах с моими собеседниками очень часто обсуждались вопросы, связанные с положением Ленинграда, находящегося в блокаде.

Я вел себя при таких беседах весьма активно и истолковывал сложившиеся в результате блокады трудности как результат беззаботности в отношении советских властей к нуждам населения и противопоставлял в беседе с РОКОТОВЫМ обстановку, сложившейся под влиянием блокады в Ленинграде, положение в Англии в период войны, уверяя при этом моих собеседников — РОКОТОВА, его жену и еще какого-то знакомого РОКОТОВА в том, что в Англии правительственные органы не в пример советским властям проявляли заботу о населении, которое лишений войны не испытывало.

Подобное же сравнение, также обращенное на дискредитацию советских властей, было сделано мною по вопросу об обеспечении населения бомбоубежищами. Опять мною восхвалялась Англия и порицалась мнимая беззаботность советских властей.

Мною высказывались и пораженческие взгляды на судьбы Ленинграда в войне. Я особенно это проявлял в беседах с В. А. ЗАЙКИНЫМ, человеком близким мне по пораженческо-антисоветским взглядам, — заявлял, что Ленинград неизбежно падет и будет занят немцами.

ЗАЙКИН не только поддерживал меня, но и высказывался более определенно, обнаруживая вообще в своих заявлениях о судьбе Ленинграда желание не покидать его даже в случае оккупации. Хотя планов своей жизни в случае оккупации ЗАЙКИН мне и не от-

²⁴ Заикин Владимир Александрович — специалист в области звукозаписи. В конце 1920-х — начале 1930-х годов звукорежиссер ленинградского Радиокomiteта. В середине 1930-х годов заведовал кинотеатром общества «Друг детей». Создатель ряда предприятий по записи граммпластинок.

²⁵ Ушин Николай Александрович (1898–1942) — театральный художник, книжный график. Выпускник ВХУТЕИНа. Умер от голода во время блокады.

²⁶ Неустановленное лицо.

крывал, но к немецкой оккупации, в неизбежности которой он был уверен, он относился без тени беспокойства. Каждая неудача Красной Армии нами встречалась глумливо-антисоветски, и мы комментировали подобные сообщения в антисоветском духе, расценивая их как результат неспособности советского командования. Ядовитыми антисоветскими замечаниями снабжались мною и ЗАЙКИНЫМ сводки Советского Информбюро об успехах Красной Армии, мы считали их не соответствующими действительности.

В беседах с РОКОТОВЫМ мы обсуждали перспективы жизни населения в случае оккупации города фашистскими войсками. Этот вопрос меня живо интересовал, так как, повторяю, я был убежден в неизбежности оккупации Ленинграда. Однако каких-либо определенных мнений по вопросу о возможных формах управления в случае оккупации города немцами — не существовало, высказывались различные предположения, на этом дело и кончалось.

О судьбе Ленинграда я беседовал с ЛЕОНИДОВЫМ, которому я заявлял о том, что Ленинград якобы всеми брошен на произвол судьбы и низведен на положение захудалого провинциального города, до которого никому нет дела. Неоднократно в беседах с ЗАЙКИНЫМ, ЛЕОНИДОВЫМ, РОКОТОВЫМ я заявлял, что интеллигенцию оставили совершенно без внимания и заботы, в результате чего, заявлял я, гибнут лучшие ее представители. Особенно рьяно выступал я с антисоветскими заявлениями в связи со смертью художников БИЛИБИНА²⁷ и Семена ПАВЛОВА.²⁸ Я в резкой форме заявлял, что они погибли в результате бездушного отношения к интеллигенции со стороны советских властей.

Я заявлял, кажется, ЛЕОНИДОВУ, что в СССР отсутствует демократическая, как я говорил, связь между правительственными кругами и интеллигенцией. Беседа с ЗАЙКИНЫМ, я заявлял, что Советская власть старается держать интеллигенцию в атмосфере удушья и всячески препятствует проникновению свежих влияний из-за границы. Я весьма резко нападал по этому вопросу на политику советских властей и заявлял, что в настоящее время мы наблюдаем возврат к допетровским временам.

Как я уже говорил, с моей стороны имели место резкие антисоветские заявления в связи со смертью художников БИЛИБИНА и ПАВЛОВА. Помимо уже названных мной лиц, я высказывался по этому поводу в беседе с художником УШИНЫМ. Все эти беседы, в которых с моей стороны имели место резкие антисоветские заявления, происходили в последние два с половиной — три месяца.

Я не ручаюсь, что рассказал о всех антисоветских проявлениях, имевших место с моей стороны, и считаю нужным заявить, что я не упустил ни одного случая, чтобы не использовать его для антисоветского заявления и распространения клеветы о политике Советской власти».

5 марта было вынесено постановление о предъявлении Снопкову обвинения — по части 2 статьи 58-10 УК РСФСР: «Пропаганда или агитация, содержание призывы к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений <...>, а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания <...> при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении...».

В условиях военного времени эта статья предусматривала расстрел или — при смягчающих обстоятельствах — лишение свободы на срок не ниже трех лет с конфискацией.

²⁷ Билибин Иван Яковлевич (1876–1942) — художник, книжный иллюстратор, участник объединения «Мир искусства». С 1920 по 1936 год — в эмиграции. Умер от голода в больнице Всероссийской Академии художеств в блокадном Ленинграде.

²⁸ Павлов Семен Андреевич (1893–1941) — художник, график. Выпускник ВХУТЕИНа. В 1920-е годы — член объединения «Община художников». С 1929 года — преподаватель ВХУТЕИНа (затем — ВХУТЕМАСа). Умер во время блокады Ленинграда. 23 декабря 1941 года художник и кинорежиссер Михаил Цехановский записал в дневнике: «Умер Семен Павлов, которого еще не так давно видел в А<кадемии> Х<удожеств>, по дороге в убежище. Утром не проснулся, сердце не выдержало» (Цехановский М. Какой день нет бомбежки? // <http://seance.ru/articles/tsehanovskyi-diary>; дата обращения: 15.04.2020).

Можно себе представить, какой простор был у следователя для давления на арестованного! От трех лет до расстрела, а все зависит от того, укажет ли следователь смягчающие обстоятельства.

6 марта обвинение Снопкову было предъявлено. Бороться он уже больше не пытался, единственное, что он продолжал отрицать, — это фашистский характер своей «пропаганды».

«Вопрос: Вам предъявлено постановление о привлечении вас к уголовной ответственности в пр<еступлениях> пр<едусмотренных> ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР. Вам понятно предъявленное вам обвинение?»

Ответ: Да, понятно.

Вопрос: Вы признаете себя виновным в инкриминируемом вам преступлении?

Ответ: Да, я признаю себя виновным в том, что я в период войны между Советским Союзом и фашистской Германией, комментируя среди своего окружения в контрреволюционном духе события, происходящие как во внутренней жизни Советского Союза, так и ход военных действий между СССР и фашистской Германией, высказывал пораженческие настроения по вопросу <так!> о занятии немцами города Ленинграда, противопоставлял советской действительности положение в буржуазно-демократических странах и, в частности, в Англии и распространял различные клеветнические измышления о командовании Красной Армии, о советской печати, об отношении руководителей партии и правительства к нуждам трудящихся и о положении советской интеллигенции. Признавая себя в этом виновным, заявляю, что я не считаю и не могу признать, что моя пропаганда носила профашистский характер, так как я лично фашистских идей никогда не разделял и никогда не сочувствовал.

Вопрос: В присутствии кого еще, помимо тех лиц, которых вы указали в своих показаниях 2 марта, вы вели антисоветскую пропаганду?

Ответ: Были ли такие случаи, когда бы я допускал какие-либо антисоветские высказывания в присутствии других лиц, помимо тех, о которых я уже показал 2 марта с/г года, я не помню, но если такие случаи имели место, то они носили настолько случайный характер, что я сейчас не в состоянии их припомнить.

Вопрос: В своих показаниях 2-го марта с/г года вы заявили: „Я не упустил ни одного случая, чтобы не использовать его для антисоветского заявления и распространения клеветы о политике Советской власти. Я не ручаюсь, что рассказал о всех антисоветских проявлениях, имевших место с моей стороны“. Какие еще факты ведения антисоветской пропаганды, помимо тех, о которых вы уже дали показания 2-го марта с/г года, имели место?

Ответ: Я не припоминаю больше ни одного факта ведения мною антисоветской пропаганды».

Следующий хранящийся в деле материал является прекрасной характеристикой деятельности палачей НКВД во время блокады. Это был допрос свидетеля Ушина, проведенный 30 марта следователем того же 11 отдела СПО УНКВД Ленинградской области младшим лейтенантом госбезопасности Ефименко. В принципе, в самом по себе допросе свидетеля нет ничего необычного, тем более что имя художника Ушина Снопков называл в качестве адресата своей «антисоветской пропаганды». Но все дело в том, что этот допрос проходил на квартире Ушина (на 2-й линии Васильевского острова, д. 62, кв. 30), поскольку, как указывалось в приложенной справке, свидетель Ушин «болен, находится на домашнем лечении и в постельном режиме, и в УНКВД ЛО явиться не может». На обычном языке эти эвфемизмы означали, что Николай Алексеевич Ушин от голода находился в крайней степени дистрофии и допрашивал следователь умирающего человека. Скончался художник через неделю после этого допроса, который занял полтора часа.

Возможно, что именно это ощущение близкой смерти придало Ушину силы, и он отказался подтвердить какие бы то ни было факты «антисоветских высказываний» Снопкова:

«Вопрос: На допросе от 2 марта 1942 года Снопков сам показал, что в беседах с вами вел резкие антисоветские заявления <так!> в связи со смертью художников

Билибина и Павлова. Кроме того, Снопков показал, что с его стороны в Вашем присутствии имел место целый ряд антисоветских и клеветнических заявлений по адресу советских властей. Припомните, какие антисоветские высказывания вел Снопков в разговоре с вами?

Ответ: Как я уже показал, я с 1937 года я видел Снопкова один раз в феврале м-це 1942 года в Союзе Советских художников. Припоминаю разговор, который имел <место> между нами в присутствии художника Хижинского Леонида Семеновича.²⁹ Мы стояли у окна в коридоре и вели беседу только о том, кто как живет и как себя чувствует. Разговор был очень коротким, и никаких антисоветских высказываний со стороны Снопкова я не слышал. С этого времени я Снопкова больше не встречал.

Вопрос: Почему же тогда Снопков показывает, что он в беседе с вами вел антисоветские и клеветнические заявления <так!> по адресу советских властей?

Ответ: Я не знаю, почему он так показывает, но в этот раз и вообще никаких антисоветских клеветнических высказываний со стороны Снопкова я не слышал.

Помимо обвинения в «клеветнических антисоветских высказываниях» 29 марта было подписано новое постановление — о предъявлении Снопкову дополнительных обвинений по статье 59-6 и части 4 статьи 182 УК РСФСР. Статья 59-6 была вменена Снопкову за несдачу радиоприемника, и выглядела она так: «Отказ или уклонение в условиях военного времени от внесения налогов или от выполнения повинностей (в частности, военно-автотранспортной, военно-конской, военно-повозочной и военно-судовой) влекут за собою лишение свободы на срок не ниже шести месяцев, с повышением, при особо отягчающих обстоятельствах, вплоть до высшей меры социальной защиты — расстрела, с конфискацией имущества».

Часть 4 статьи 182 УК РСФСР гласила: «Изготовление, хранение, сбыт и ношение кинжалов, финских ножей и тому подобного холодного оружия без разрешения Народного комиссариата внутренних дел в установленном порядке — лишение свободы на срок до пяти лет с конфискацией оружия».

30 марта новые обвинения были предъявлены Снопкову. Он признал себя виновным в хранении у себя радиоприемника ЭЧС-3 и холодного оружия.

«Вопрос: С какой целью вы после опубликования правительственного постановления о сдаче радиоприемников³⁰ не сдали в соответствующие организации имевшийся у вас радиоприемник?

Ответ: Это произошло совершенно случайно. После опубликования постановления о сдаче радиоприемников я его отсоединил и поручил сдать своей матери, но моя мать по ошибке вместо приемника сдала динамик, который сдавать было не нужно, а приемник поставила под стол и сказала мне, что приемник она сдала. Ошибку матери я обнаружил только за несколько дней до своего ареста и исправить ее, сдав радиоприемник, не успел, поэтому приемник и находился у меня.

Вопрос: Где ваша мать находится в настоящее время?

Ответ: По моим предположениям, она умерла, так как в момент моего ареста она находилась в очень тяжелом состоянии и, по заявлению врача, — безнадежном положении.

Вопрос: С какой целью вы незаконно хранили у себя на квартире холодное оружие: финский и испанские ножи?

Ответ: В прошлом я занимался коллекционированием холодного оружия, и у меня была небольшая коллекция, которую я несколько лет тому назад, точно не помню, когда вышло постановление о запрещении хранения холодного оружия, продал как реквизит в Большой драматический театр, оставив у себя только испанский нож,

²⁹ Хижинский Леонид Семенович (1896–1972) — советский художник, график. Выпускник ВХУТЕИНа.

³⁰ Постановлением Совета народных комиссаров СССР от 25 июня 1941 года № 1750 «О сдаче населением радиоприемных и радиопередающих устройств» всем гражданам было предписано в пятидневный срок сдать имеющиеся у них радиоприемники в органы Наркомсвязи. Это мотивировалось возможным их использованием «вражескими элементами». Сдача приемников оформлялась как «прием на хранение» — до окончания войны.

являвшийся подарком одного моего знакомого. Этот нож последнее время я использовал для колки лучины. Финский нож был мною приобретен недавно на рынке с рук, так как я, собираясь эвакуироваться, слышал, что в дороге необходимо иметь нож для колки дров и лучины с целью топки печей, имеющихся в вагоне. Для этого я его и купил. Никаких преступных целей в хранении изъятого у меня указанного здесь холодного оружия у меня не было».

Диалог завершился очередным предложением Снопкову назвать новые имена своих собеседников по «антисоветским разговорам», помимо тех, которые уже были им названы 2 марта. Снопков снова ответил, что вспомнить больше ничего не может.

Этот последний допрос интересен несколькими деталями. Прежде всего, из нескольких слов Снопкова, записанных равнодушным канцелярским слогом следователя, вырастает новая трагедия: оказывается, он был арестован в тот момент, когда его мать была уже близка к смерти от голода. Кроме того, подтверждается содержавшаяся в воспоминаниях Алисы Порет информация о том, что Снопков коллекционировал холодное оружие. Таким образом, не исключено, что ее рассказ о том, как он подарил ей на день их свадьбы настоящий самурайский меч из своей коллекции,³¹ соответствовал действительности, хотя, как выше было показано, описание того, как Хармс якобы отдал за него символическую монету, конечно, являлось плодом вымысла.

2 апреля 1942 года следствие было окончено, а уже 3 апреля было подписано обвинительное заключение. В нем перечислялось все то же: на квартире Рокотова высказывал в резкой форме свое недовольство существующим положением, восхвалял положение в буржуазно-демократических странах и критиковал советскую действительность с контрреволюционных позиций. Приплюсованы к обвинению были также пункты УК РСФСР, касающиеся несданного радиоприемника и холодного оружия.

14 апреля военный трибунал войск НКВД Ленинградского округа приговорил П. П. Снопкова к лишению свободы на срок 10 лет с конфискацией имущества и с поражением в правах на срок 5 лет после отбытия основной меры наказания.

Насколько соответствовали реальности воспоминания Алисы Порет, которая общалась, как Снопкова в лагере отправили на лесозаготовки и регулярно сокращали ему паек за невыполнение нормы, пока он не умер от голода? Судить об этом сложно, разумеется, мемуаристка передавала окольные слухи. Справка УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области сухо сообщает, что «Снопков П. П. умер 20 июля 1942 года, отбывая наказание в Усольском ИТЛ (г. Соликамск). Определением Военного трибунала Ленинградского военного округа от 24 декабря 1958 года приговор <...> от 14 апреля 1942 года в отношении Снопкова П. П. отменен, и дело производством прекращено за недоказанностью обвинения. Снопков П. П. реабилитирован».

Таким образом, видно, что Снопков прожил в лагере меньше трех месяцев. Думается, что ни о каком лесоповале речи не шло: он явно прибыл туда уже в том состоянии, которое блокадники именовали медицинским термином «дистрофия», а лагерный жаргон точно определял словом «доходяга».

Какова же была судьба Рокотова, чьи показания отправили Снопкова в лагерь, а затем и в могилу?

В деле Снопкова имеется список лиц, вызываемых в судебное заседание военного трибунала, где его должны были судить. Этих лиц было всего двое: сам художник и свидетель Рокотов. Так вот — в сведениях о Рокотове было указано: «Содержится под стражей во внутренней тюрьме УНКВД ЛО» — т. е. там же, где и содержался сам Снопков.

Это означало, что Рокотов не был внештатным стукачом НКВД, работавшим за прибавку к пайку. Судя по всему, он так же, как и Снопков, был арестован по чьему-то доносу, а затем, уже сломленный, начал давать показания на своих знакомых.

Я попытался ознакомиться и с делом Рокотова, но неожиданно получил отказ. Вот что сообщило УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области: «Из материалов архивного уголовного дела, находящегося на хранении в архивных фондах УФСБ России по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области следует, что Рокотов Ев-

³¹ Порет А. И. Записки. Рисунки. Воспоминания. Кн. 1. С. 92.

гений Михайлович, 1902 г. р., уроженец Ленинграда, приговором военного трибунала войск НКВД СССР Ленинградской области от 27 февраля 1942 года по ст. 16 и 58-7 УК РСФСР с санкции ст. 58-2 УК РСФСР осужден к лишению свободы в исправительно-трудовых лагерях сроком на 7 лет с поражением в правах <...> сроком на 3 года после отбытия наказания и без конфискации имущества.

Постановлением Президиума Ленинградского городского суда от 10 января 1990 г. вышеуказанный приговор изменен и переквалифицирован со ст. 16 и 58-7 УК РСФСР на ст. 95 ч. 2 УК РСФСР. Рокотову Е. М. назначено 2 года лишения свободы. Рокотов Е. М. не реабилитирован».

Далее сообщалось, что в соответствии с законом ознакомлению подлежат прекращенные уголовные дела в отношении реабилитированных граждан, а знакомство с делом не реабилитированных невозможно.

Что же стоит за приведенными цифрами?

Во-первых, подтверждается предположение, что из Рокотова выдавливали показания, угрожая расстрелом и обещая смягчение в случае «чистосердечного признания». Допрос Рокотова в качестве свидетеля состоялся 23 февраля 1942 года поздно вечером в день ареста Снопкова. А уже через 4 дня Рокотов получил приговор, причем не самый тяжелый. Судя по справке ФСБ, Рокотову удалось лагерь пережить.

Во-вторых, статья 58-7 УК РСФСР предусматривала наказание за «подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершенный в контрреволюционных целях путем соответствующего использования государственных учреждений и предприятий или противодействие их нормальной деятельности, а равно использование государственных учреждений и предприятий или противодействие их деятельности, совершаемое в интересах бывших собственников или заинтересованных капиталистических организаций». Уже сама по себе диспозиция этой статьи была сформулирована так, что практически любое действие в указанных областях, признанное неудачным, легко под нее подпадало. Но этого мало: трибунал в приговоре сослался еще на статью 16 УК РСФСР, а она гласила: «Если то или иное общественно-опасное действие прямо не предусмотрено настоящим Кодексом, то основание и пределы ответственности за него определяются применительно к тем статьям Кодекса, которые предусматривают наиболее сходные по роду преступления».

Проще говоря, Рокотов был арестован и судим за не предусмотренные Уголовным кодексом действия, которые были следствием и Военным трибуналом квалифицированы «по аналогии».

Что сделал «перестроечный» Президиум Ленинградского городского суда? Он признал, что Рокотов не совершал инкриминируемых ему преступлений. Однако вместо того, чтобы реабилитировать его, суд признал его виновным по совершенно другой статье. Часть 2 статьи 95 УК РСФСР выглядела так: «Заведомо ложный донос или показание, соединенные: а) с обвинением в тяжком преступлении, б) с корыстными мотивами и в) с искусственным созданием доказательств обвинения, — лишение свободы на срок до двух лет».

Мы не знаем, о чем тут идет речь: о показаниях, данных Рокотовым на Снопкова или на кого-то еще. Мы не знаем, при каких именно обстоятельствах эти показания были даны. И дело недоступно.

Напоследок — о развенчании еще одного мифа, созданного Алисой Порет: Хармс и Снопков, конечно, не могли встретиться в тюрьме в блокадном Ленинграде. И не только потому, что при конвоировании арестованных по коридорам тюрьмы применялись самые строгие меры для исключения их встреч друг с другом (вплоть до помещения в известные «стаканы»), но прежде всего — потому, что Снопков был арестован ровно через три недели после того, как Хармс умер. Наконец, Снопков все время следствия и суда находился во внутренней тюрьме УНКВД ЛО — на ул. Воинова (ныне — Шпалерная), д. 25, тогда как Хармс содержался там только до декабря 1941 года, после чего был отправлен в психиатрическое отделение тюремной больницы при «Крестах» (Арсенальная наб., д. 9).